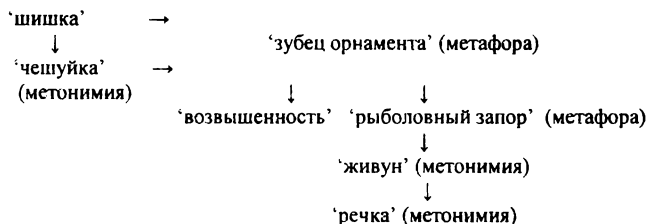


Можно предположить, что развитие семантической структуры слова *raw* в казымском диалекте происходило, например, следующим образом:



Для других диалектов схема может быть аналогичной ('шишка' → 'рыболовный запор' → 'живун' → 'речка') – при доказательстве закономерности фонетических изменений в рассматриваемых соответствиях (по восточно-хантыйским диалектам приведем еще данные Н.И. Терешкина: *pöy* (вах., вас.), *pey*⁰ (аг., тр.-юг.) 'живун; родник, ключ'; *pöki* (вах., вас.), *pey*⁰ (аг., у.-аг., тр.-юг.), *rew* (юг., у.-юг.), *raw* (сал.) 'шишка (еловая, сосновая, лиственничная)'⁷⁰.

Иначе придется согласиться с тем, что семантические аналогии 'зубец орнамента' – 'живун' – 'речка' у носителей казымского диалекта основаны на совпадении фонетического облика омонимичных лексем.

О.В. Мищенко

Лексика, обозначающая лесные массивы, в говорах Русского Севера: «свое» и «чужое»

Обозначения лесных массивов – одна из тех лексических групп в говорах Архангельской и Вологодской областей, где наряду с исконной лексикой важную роль играют и заимствования из финно-угорских языков. Соотнесение представлений, стоящих за исконными и заимствованными лексемами, выявление предполагаемых причин заимствования и определение места тех и других в лексической системе говоров стало предметом настоящей статьи. Материал исследования извлечен из картотеки Словаря говоров Русского Севера (КСГРС), хранящейся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета.

Для достижения поставленных задач использовались приемы семасиологического анализа: определялись объемы значений исконных и заимствованных лексем, формулировались идеограммы, рассматривались семантические связи.

⁷⁰ См.: Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л., 1981. С. 372–373.

В результате такого подхода выделились следующие идеограммы, по-разному воплощающие семантику лесного массива: 'дальний, большой, дремучий лес', 'большой, дремучий лес', 'лесной массив между какими-либо объектами'⁷¹. Анализ материала подается по идеограммам.

Идеограмма 'дальний, большой, дремучий лес'

В говорах Русского Севера в качестве обозначений большого лесного массива фиксируются следующие лексемы финно-угорского происхождения: *едома, сузём, тайбола (тайболо)*⁷². С одной стороны, количество заимствований невелико, по сравнению, например, с числом терминов финно-угорского происхождения, обозначающих на исследуемой территории заболоченный лес (около 20 лексем без учета фонетических и словообразовательных вариантов⁷³). С другой стороны, широкое их распространение⁷⁴ и активное функционирование заставляют говорить о них, как о центральных единицах семантического поля. В качестве обозначения большого массива леса все три лексемы фиксируются со значением 'дальний, большой, дремучий лес', при этом все компоненты значения оказываются в равной мере актуальными. Рассматриваемые лексемы объединяются и формируют особое понятие в национальной идеографической сетке именно благодаря наличию в своих значениях компонента 'дальний', поэтому на нем стоит остановиться особо.

На актуальность компонента 'дальний', понимаемого как 'удаленный от населенных пунктов, от жилья', указывают, во-первых,

⁷¹ При анализе материала выделилась еще одна идеограмма 'глухой, дремучий лес; глухое место в лесу', представленная только исконными репрезентантами, такими как: *о в небо дыра, глубокий (лес), глухомятина, глушинник, забая, заваль, залески, жуэвье, нутра, слепняк, о сосны в небо глядят, стамои, о темный лес, хламье* и др. Анализ этой идеограммы не был включен в настоящую статью, поскольку ее репрезентанты обозначают скорее место в глубине леса, чем лесной массив как целое, как некий географический объект, в отличие от репрезентантов рассмотренных в статье идеограмм.

⁷² Как для исконных лексем, так и для заимствований фонетические и словообразовательные варианты подаются не полностью, а только при необходимости или в качестве иллюстрации. Это объясняется собственно семантическими задачами исследования.

⁷³ См.: Мищенко О.В. Исконная и заимствованная лексика с семантикой 'лес на болоте' в говорах Русского Севера (семантический аспект) // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 10.

⁷⁴ Дистрибуция терминов по исследуемой территории такова: ареал лексемы *сузём* охватывает весь регион за исключением юго-запада Вологодской области (Баб, Бел, Вашк, Влгд, Вож, Выт, Гряз, Кад, Кир, У-Куб, Устюж, Хар, Чаг, Череп, Шексн), лексема *тайбола* в рассматриваемом значении зафиксирована на северо-востоке Архангельской области (Леш, Пин, Холм) и на западе Вологодской (Бел, Вашк, Выт, Кир), ареал *едомы* – центральная и восточная части Архангельской области (Вин, В-Т, К-Б, Леш, Мез, Пин, Плес, Шенк).

отраженные в полевых материалах дефиниции лексем, ср.: *едома* ‘дальние лесные уголья’, *сузём* ‘глухой, дремучий, дальний лес’, ‘массив отдаленного леса’, ‘глухой, дремучий лес, расположенный вдали от населенных пунктов’, *тайбола* ‘большой, дремучий лес, удаленный от населенных пунктов’, *тайбола* ‘дальний, дремучий лес, труднопроходимое место’ и т.п. Во-вторых, в семантических пространствах всех трех лексем представлены значения, разработанные именно на базе семы ‘дальний’⁷⁵: *едома* ‘всякая отдаленная от селения местность’, \diamond *реветь на всю едому* ‘кричать на всю округу, во всю глотку’ (то есть так, что слышно далеко. – О.М.); *сузём* ‘дальний покос в лесу’, ‘дальняя дорога в лесу’; \diamond в *тайболу пойти* ‘отправиться пешком на большое расстояние’ – что также указывает на релевантность этого компонента значения терминов.

Такая точка зрения подтверждается и этимологическими данными.

По одной из версий, происхождение лексемы *едома* связывается со следующими прибалтийско-финскими данными: карел. *edä-: edäheädä* ‘издалека’, *edähänä* ‘далеко’; вепс. *ed-, eda-: edahan* ‘далеко’, *edahaine* ‘дальний, далёкий, отдаленный’ [SKES, 42] и фин. *maa*, карел. *moa, tua*, вепс. *та* ‘земля, поле, местность’ [SKES, 324]⁷⁶. Заимствование *сузём* соотносится, по мнению Я. Калимы, с фин. *sysmä* ‘сплошной, удаленный лес’ [Kalima, 221]. Помимо того, что признак удаленности отмечается в финской лексеме как релевантный компонент значения, он, согласно выводам О.А. Теуш, может лежать в основе внутренней формы слова, если интерпретировать последнюю как <нечто оттолкнутое, отбитое, отпиханное (в сторону)>⁷⁷. Прибалтийско-финские соответствия *тайбола* [Kalima, 223; Фасмер 4, 11–12] связаны с другим значением слова в русских говорах, отражающим представления не столько о самом лесе, сколько о пути – что сближает заим. *тайбола* и рус. *волок* – но семантика дальности, удаленности от жилья обнаруживается и здесь, ср.: карел., ливв. *taival, taibal, taibaleh* ‘(до л г и й) путь, расстояние; переход (например, между двумя деревнями, часто по лесу, не обжитой местности); перешеек между двумя водоемами’, луд. *taibaleh, taibal* ‘путь, расстояние’, ‘промежуток между деревнями’, фин. *taipale, taival* ‘путь, расстояние (особенно между двумя

⁷⁵ Точечный ареал значений такого рода на фоне широкого ареала остальной семантики позволяет предполагать их вторичный характер.

⁷⁶ См.: Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья: Дис. канд. филол. наук. Свердловск, 1985. С. 49. А.Е.Аникин со ссылкой на Хелимского рассматривает *едома* как возможное заимствование из фин. **etumaa* ‘передний край, передняя земля’ (~ *etumainen* ‘передний, передовой’) [Аникин, 203].

⁷⁷ О возможных вариантах семантической реконструкции фин. *sysmä* см. статью О.А. Теуш в настоящем сборнике.

местами, например, местами отдыха)', 'проходимый, проезжий путь (часто длинный, через необжитую местность)', 'перешеек между двумя водоемами' [SKES, 1199].

Несмотря на схожесть значений, три представленные лексемы все же отличаются друг от друга семантическим наполнением и различной степенью актуализации компонентов.

В семантике лексемы *едома*, кроме названных, актуальной оказывается также сема 'возвышенность': поскольку на исследуемой территории значение термина зафиксировано собирателями не только как 'дальний, глухой лес', но и как 'возвышенность, гора, поросшая лесом' или 'лес на горе, возвышенности', идеограмма, которую реализует лексема *едома*, может быть уточнена до 'дальний, большой, глухой лес на возвышенности'. На актуальность последнего компонента указывает и наличие в парадигме лексемы значения 'высокий берег реки (часто с лесом)'. Думается, что семантика слова реализует взгляд субъекта на объект со стороны, извне. Именно на это, на наш взгляд, указывает релевантность семы 'возвышенность', семы, отсутствующей в значении лексем *сузём* и *тайбола*: наличие возвышенного рельефа является необходимым и достаточным условием для того, чтобы лес был виден издалека, и наоборот, при нахождении внутри лесного массива, общий рельеф местности теряется. При этом лексема *едома* одна из всей тройки заимствований имеет также значение 'опушка, край леса', появление которого легко объяснить, если предположить внешний взгляд наблюдателя на объект, то есть такой взгляд, когда виден именно край леса.

В семантике лексем *сузём* и *тайбола* более актуальной оказывается внутренняя точка зрения. Так, у обоих слов, как уже говорилось, не фиксируется компонент 'возвышенность', зато присутствует значение 'дорога в глухом лесу'. Оба слова реализуют также широко распространенное значение 'труднопроходимое место в лесу, густые заросли', связанное с «внутренним» восприятием объекта (и не обнаруженное для лексемы *едома*). Ради объективности следует однако отметить, что в семантическом пространстве лексемы *сузём* присутствует косвенное указание на возможность нахождения объекта на возвышенности. Это указание эксплицируется дериватом *сузёмный* 'строевой (о лесе)'. Как показал анализ терминологии лесного хозяйства, компонент 'строевой (лес)' связан с представлениями о лесе на возвышенности⁷⁸. Думается однако, что появление значения 'строевой (лес)' в гнезде *сузём* следует связывать с влиянием исконной семантической системы русских в силу типичности для нее

⁷⁸ Подробнее об этом см.: Мищенко О.В. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 31–34, 74–79.

семантических связей такого рода, в отличие от системы заимствований (см. об этом далее).

Заимствованные лексемы, таким образом, по-разному представляют понятие 'дальний, большой, глухой лес'. Для семантики заим. *едома* более актуальным оказывается компонент 'дальний' и пространственное восприятие реалии (взгляд извне), а в семантике лексем *сузём* и *тайбола* реалия подается с качественной стороны, через актуализацию семы 'глухой, дремучий (лес)'. Несмотря на превалирование такого восприятия, в семантике может отразиться и обратная ситуация, на что указывают релевантность для лексемы *едома* качественной семы 'глухой, дремучий' и единично фиксируемые значения 'поляна в лесу', 'лесная избушка', 'охотничьи угодья', а также определенная выше актуальность пространственной семы 'дальний (лес)' в лексемах *сузём* и *тайбола*. Возможность таких семантических «передвижений» кажется вполне естественной, поскольку, несмотря на разработанность различных способов восприятия объекта, последний остается одним и тем же.

Семантическое своеобразие рассматриваемых заимствований выражается в существовании у них значений, связанных с представлениями о болоте. Соотношение семантики отражено в таблице: в первой колонке подаются лексемы со значением 'дальний, большой, дремучий лес', в остальных – значения лексем, выражающие представления о зарослях и болоте, вынесенные в заглавие столбцов.

Дальний, большой, дремучий лес	Труднопроходимые густые заросли	Труднопроходимые заболоченные заросли	Болото
<i>едома</i>	—	'заросли на сыром месте' ⁷⁹	—
<i>сузём</i>	'труднопроходимое место в лесу, заросшее, захлащенное, заваленное буреломом'	'труднопроходимое болото, сырая низина, заросшая деревьями, кустарником'	—
<i>тайбола</i>	'труднопроходимый густо заросший участок леса'	'сырое место в лесу' ⁸⁰	'сырой, заболоченный участок, топь на болоте'; 'дорога через лес или болото'

⁷⁹ Данное значение для лексемы *едома* фиксируется единично, что еще раз указывает на меньшую актуальность в ее семантике качественного компонента.

⁸⁰ Ср. также зафиксированное на соседней территории: *тайбола* 'густо поросшее лесом болотистое место' (Онежское озеро) (см.: Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Учеб. пособие. СПб, 1995. С. 38.)

Таким образом, рассматриваемые заимствования входят в семантический комплекс {'дальний, большой, дремучий лес' – 'густые заросли в лесу, дремучий лес' – 'труднопроходимые заросли на болоте' – 'болото, сырое место'}. Следует отметить, что аналогичное движение семантики в сторону представлений о зарослях и болоте было выявлено и для заимствований, обозначающих лес на возвышенности, таких как *сельга, чёлма, чуглы, шалга*, в то время как для исконных лексем этой же группы при всей широте их семантического спектра появление значений, связанных с представлениями о болоте, совершенно не характерно⁸¹.

В качестве исконных репрезентантов идеограммы выявлены лексемы *остров* и *матера*. Лексема *матера* в значении 'большой лес вдали от жилья' (олон., арх., урал, тюмен.) представлена в СРНГ [СРНГ 17, 98] (ср. также *материк* 'большой лес, тайга' (урал.) [СРНГ 17, 99], *материк* 'крупный лесной массив, тайга' (обск.)⁸²), однако в данных ЛК СГРС значение лексемы *матера* (*материк*) с актуализацией компонента 'дальний (лес)' не зафиксировано⁸³. Таким образом, полевые материалы позволяют подробно проанализировать только семантику лексемы *остров*.

В значении лексемы *остров* реализуются все три компонента 'дальний (лес)', 'большой (лес)', 'дремучий (лес)', причем пространственный компонент 'дальний' также понимается как 'удаленный от жилья' и может переоформляться в качественную сему 'не освоенный человеком, без жилья поблизости'. Ср. дефиниции полевых материалов и контексты: *остров* 'дальний, глухой лес': «остров – лес, место, где никто не ходит»; 'отдаленный лес', 'дальний лес': «в сузём за сорок километров поедешь, у нас-то больше не сузём зовут, а остров», «жила нет – вот остров и называется», «много у нас в острову диких мест, остров – сузём такой, всё жила нету»; 'дальний большой лес': «если леса большущие – остров зовём: поедем в остров на сенокос; кто говорит сузём, кто – остров»; 'густой, дремучий лес', 'большой дремучий лес', 'глухой, пустынный лес': «в остров никто не ходит, привёз островного леса – значит никто там не бывал»; 'большой, дальний лес': «в остров пошли охотники – лес это большущий», «сперва надел лес идет, острова уж потом; далёко – это острова зовутся», «идешь по лесу, ни деревень, ни людей – то остров, островной лес» и т.п.

⁸¹ Семантические связи исконных лексем с семантикой 'лес на возвышенности' выглядят следующим образом: 'возвышенность' – 'лес на возвышенности' – 'лес, участок леса' – 'островной лес' – 'островок леса' – 'большой, дремучий лес' (Подробнее см.: Мищенко О.В. Лексика лесных локусов... С. 30–34).

⁸² См.: Толстой Н.И. Славянская географическая терминология. М., 1969. С. 87.

⁸³ По данным КСГРС *матера* – 'большой, дремучий лес', то есть компонент 'дальний (= не освоенный человеком)' не эксплицирован в значении слова.

Парадигмы значений исконных лексем не соответствуют семантическому пространству заимствований: семантики 'болото' или 'заболоченные заросли' для лексем *остров* и *матера* не отмечается. Значения оказываются типичными для исконных репрезентантов идеограммы 'лес на возвышенности', ср. парадигму: *остров* 'возвышенность, обычно на болоте, поросшая лесом', 'хороший строевой лес на сухом месте', 'островок леса, выделяющийся из ландшафта, перелесок', 'заросший остров на реке', 'молодой лесок', 'однородный по составу деревьев лесной массив', 'лес, участок леса'; *матера* (*материк*) 'суша, берег в противопоставление воде', 'высокий берег реки', 'хороший лес на берегу', 'лес с мощными, крепкими деревьями', 'большой, сосновый лес', 'высокий лес рядом с болотом; лес на возвышенности'.

Представленная парадигма значений указывает на одинаковую возможность семантического перехода как 'лес на возвышенности' → 'дальний лес', так и 'большой, хороший лес' → 'дальний лес'. Однако у остальных исконных лексем, в парадигмах которых представлены значения 'лес на возвышенности' или 'большой лес', семантика 'дальний (= неосвоенный) лес' не зафиксирована. Из этого следует, что названный смысловой сдвиг в представленных лексемах определяется наличием компонентов, релевантных для их семантического пространства.

Для лексики *остров* можно предположить развитие значения на базе релевантного компонента 'замкнутый', переоформившегося в 'отграниченный от остального пространства', то есть в данном случае – 'находящийся за пределами освоенной территории'. Это объясняет актуальность в значении компонента 'неосвоенный, без человеческого жилья'.

Для лексики *материк* решающую роль при развитии значения сыграл, видимо, компонент 'большой, огромный', имплицитно присутствующий в значениях лексем данного гнезда, и способный актуализироваться, ср.: *матерость* 'огромность, плотность, дебелость; взрослость', *матерущий*, *матёрый* 'толстый, плотный, здоровый, дородный', 'большой, огромный', *матерняк* 'большой, дремучий лес' и др. [СРНГ 17, 98]. Отметим, однако, что существует целый ряд лексем, со значением 'большой, дремучий лес' – *дуброва*, *ледина*, *малёга*, *холм* – в значениях которых не актуализировался компонент 'дальний, удаленный от жилья (= неосвоенный человеком)'. Если для лексики *остров* можно уверенно говорить об актуализированности этого компонента (ср. полевые дефиниции, контексты и предполагаемое развитие семантики), то для лексики *матера* это не однозначно: в СРНГ значение 'большой лес вдали от жилья' представлено как обобщенное для широкого ареала (олон., арх., урал., тюмен.) [СРНГ 17, 98], в то время, как рядом фиксируется вариант *матерняк* 'большой,

дремучий лес' относящийся к исследуемой территории (Вят., Олон.), для которого семантика 'дальний' в качестве эксплицитной не отмечена. Приведенные в начале данные (со ссылкой на СРНГ и на Н.И.Толстого) *материк* 'большой лесной массив, тайга' относятся к более восточной территории: обск., урал. В других словарях по исследуемому региону [Даль, Куликовский, Подвысоцкий, СВГ] компонент 'дальний, неосвоенный' для лексемы *матера* (*материк* и т.п.) также не эксплицируется. Следует предполагать, таким образом, возможность экспликации компонента 'дальний (= не освоенный)' у лексемы *матера* (*материк*), однако неясно, насколько она реализуется на исследуемой территории.

Идеограмма 'большой, дремучий лес'

Идеограмма представлена следующими исконными лексемам: *дуброва*, *леди́на*, *мале́ги* (*мале́га*), *матера* (*материк*), *холм* (*холма*).

Наиболее частотная дефиниция для этих лексем в полевых материалах выглядит как 'большой лес'. Помимо семы 'большой' для лексем *леди́на*, *мале́г*, *матера* (*материк*), *холм* (*холма*) в качестве релевантной фиксировалась также сема 'дремучий, густой' и, отсюда, 'непроходимый', что вполне естественно, поскольку признаки 'большой' и 'дремучий' обычно в реальной действительности (денотативно) совпадают. Компонент 'дальний' также с денотативной точки зрения соотносится с 'большой' и 'дремучий', поскольку вблизи жилья очень большого леса обычно не бывает, однако в данных лексемах названный компонент не эксплицируется столь явно и регулярно, как в лексемах *е́дома*, *о́стров*, *су́зём*, *тайбо́ла*. Если он и появляется, то в качестве соотносимого с компонентом 'большой', понимаемым как 'далеко простирающийся', семантика же 'далекий = не освоенный человеком, без признаков жилья' для рассматриваемых лексем не характерна вообще. Ср. типичные дефиниции и контексты по данным КСГРС: *дуброва* 'большой лес'; *леди́на* 'огромный, дремучий лес': «зайти в леди́ну, так уж не вы́йти», 'большой лес': «леди́на тот же бор, крупный лес», 'участок большого леса', 'густой лес': «леди́на – лес высокий, непроходимый», «леди́на больно частая, в небо рвётся – не проползти; ой, куда тебя к черту! – в леди́ну запе́рся», «в леди́ну идёшь как в тёмную темницу», 'густой, непроходимый лес', 'огромный лес, очень густой и непроходимый': «леди́на – лес высокой, толстой; где лес большой – называется леди́ной; такая леди́на: не подыме́шь головы – вершины не увиди́шь»; *мале́га* 'частый лес, занимающий большие площади, труднопроходимый', 'большие, труднопроходимые леса'; *матера* 'высокий лес по сухой окраине болота', 'крепкий, высокий,

стройный хвойный лес', *материк* 'большой лес, высокий лес': «всё заросло – лес материк», 'большой участок леса', 'густой, непроходимый лес'; *холм (холма)* 'глухой лес': «холм там длинный – заблудишься – не выйдешь», 'большой лес': «холма – если лес длинный: такая рёлка и угоры тут». Сравнение приведенных материалов с поданными выше материалами, иллюстрирующими семантику лексемы *остров*, демонстрирует актуальность в значении последней именно семы 'далекий, неосвоенный', а в значениях рассматриваемых лексем – сем 'большой, дремучий'. Компонент 'далшний, неосвоенный' не обнаружен в значениях рассматриваемых лексем и по данным диалектных словарей, фиксирующих говоры исследуемой территории [Даль, Куликовский, Подвысоцкий, СВГ, СРНГ]: значение слов обычно подается в них как 'большой, частый, густой, непроходимый лес'. Исключение составляет слово *матера (материк)*, о чем говорилось выше. Вторичные значения на базе компонента 'далшний' для лексем также не фиксируются (в отличие от *едома, остров, сузём, тайбола* – см. выше), за исключением *ледина* 'отдаленное место', зафиксированное один раз в Вытегорском районе.

В условиях северного ландшафта сема 'далшний, неосвоенный' для лексем, называющих 'большой, дремучий лес' вполне может выступать в качестве денотативной, поэтому лексемы из группы 'далшний, глухой, большой лес' (*сузём* и пр.) и 'большой, дремучий лес' могут относиться к одному денотату (это не значит, однако, что значения их полностью совпадают). Думается, что неактуальность в семантике последних компонента 'далшний = неосвоенный, без жилья' связана с формированием их значения до переселения – на другой территории, в другом ландшафте и других жизненных условиях.

В связи с этим обращает на себя внимание неширокий ареал распространения лексемы *остров* 'далшний, глухой, большой лес': центр и запад региона (Баб, Вель, Вож, Карг, Кир, Кон) и крайний юго-восток (К-Г, Ник), в то время как заимствованные лексемы занимают практически всю исследуемую территорию, за исключением крайнего юго-запада. Активное заимствование лексем в названных значениях, широкое их распространение и рассмотренные выше семантические отличия позволяют предполагать складывание значения 'далшний (= неосвоенный), глухой, густой лес' для лексемы *остров* уже в условиях северного ландшафта, чему способствовало наличие в ее семантическом пространстве релевантного компонента 'замкнутый, ограниченный'. По данным словарей, описывающих иные по отношению к исследуемой территории говоры [Даль, Мельниченко, Мурзаев, НОС, СРНГ, ЯОС и др.], термин *остров* 'далшний лес' зафиксирован лишь в СРНГ по территории Подмосковья и Твери [СРНГ 19, 176]. Однако что скрывается за

формулировкой 'дальний', не поясняется. Вряд ли можно предполагать, судя по ареалу, что за ней стоит 'не освоенное человеком большое таежное пространство'⁸⁴. По данным Н.И.Толстого, учитывавшего диалектные материалы и материалы других славянских языков, слово *остров* 'место, покрытое диким лесом' (то есть как раз 'неосвоенное лесное пространство'. – О.М.) фиксируется только для севернорусской территории⁸⁵. Ср. в этой связи и только северную территорию распространения рассмотренного в предыдущем разделе *матера* (*материк*) 'большой, дальний лесной массив, тайга' (олон., арх., урал., обск., тюмен.), для которого также можно предполагать появление семантики 'дальний (= неосвоенный)' в связи с распространением в северной, таежной зоне.

Такое семантическое движение прогнозируется для всех рассматриваемых лексем – репрезентантов идеограммы 'большой, дремучий лес' – в силу ландшафтной особенности территории. И наоборот, для лексемах *остров*, *сузём*, *тайбола* существует возможность ухода компонента 'дальний' на задний план и превалирования в значении компонента 'дремучий, непроходимый', ср. широко распространенные значения: *сузём* 'заросшее, заваленное буреломом, труднопроходимое место в лесу', *тайбола* 'труднопроходимый, густо заросший участок леса'. Все это указывает на тесную связь рассматриваемых идеограмм.

Следует отметить, что у репрезентантов идеограммы 'большой, дремучий лес' прослеживается характерная для исконных лексем с семантикой 'лес на возвышенности' корреляция {'возвышенность, поросшая лесом' ↔ 'лес, лесной массив' ↔ 'дремучий лес'}. Такая корреляция отмечается в семантическом пространстве лексем *ледина* (ср., *ледина* 'лес, лесной массив', 'лес на возвышенности'), *матера*, *материк* (ср., *матера* (*материк*) 'сухое возвышенное место; лес на возвышенности', 'высокий берег реки', 'хороший лес по берегу реки', 'лес с хорошими, мощными деревьями'), *холм*, *холма* (ср. *холм* 'возвышенность'; 'сухой остров на болоте, обычно поросший лесом') и указывает на возможность восприятия объекта в целом по отношению к другим объектам, то есть на географический характер термина. Типичное для заимствований соотношение 'дремучий лес' – 'заросли на

⁸⁴ Ср. в этой связи зафиксированное в материалах КСГРС заосек 'дальний лес', при *заосек* 'местность за огороженными угодьями деревни', что демонстрирует релятивность понятия 'дальний', которое в данном случае означает 'не ближний, не в пределах деревенских угодий', иллюстрируя видение пространства человеком, не выходящим за пределы своего, «домашнего» локуса.

⁸⁵ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология... С. 117.

болоте' – 'болото' на исконном материале обнаружено лишь в случае *ледина* 'густые, топкие леса' [Куликовский, 49].

Идеограмма 'лес, лесной массив между какими-либо объектами'

Особняком стоит лексема *волок*. Фактически ее значение определяется как 'лес, лесной массив между какими-либо объектами', с возможностью дальнейшего развития значения в сторону 'большой, далеко простирающийся лес; дальний лес' и просто 'лес'. Ср. также другие значения лексемы: *волок* 'перешеек, водораздел, узкое между двумя реками пространство земли, через которое можно перетаскивать, переволакивать суда из одной реки в другую' [СРНГ, 5, 148], 'лесная дорога между далеко отстоящими друг от друга объектами (обычно, населенными пунктами)', 'расстояние между обычно далекими объектами по лесному пути' и т.п. Развитие значений шло, по-видимому, от транспортно-коммуникативного термина ('место, водораздел или лесная дорога, где волокли волоком') к географическому ('лес, лесной массив между объектами'). В семантическом пространстве лексемы *волок* понятие 'лес', таким образом, оказывается связанным с представлениями о дороге, пути, расстоянии.

А.И.Попов указывал на изменение семантики рус. *волок* по сравнению с другими славянскими языками (где подобные дериваты имеют значения 'невод', 'бредень' и т.п.), видя в этом влияние прибалтийско-финских языков⁸⁶. Н.И.Толстой отмечал, что термин *волок* со значением 'лес', иногда 'дремучий лес' известен только в северных говорах. В Полесье термин означает 'болото в лесу', в южновеликорусских говорах *волок* – 'пологая небольшая горка'. При этом развитие семантики в разных регионах предполагается автором независимо друг от друга⁸⁷. Таким образом, семантика северновеликорусского *волок* специфична.

Развитие значений лексемы аналогично развитию семантики заимствованного *тайбола* 'дорога в глухом лесу, через болото', 'большой, дремучий, удаленный от населенный пунктов лес', 'труднопроходимый, густой, заросший участок леса' и пр., этимология которого связана с семантикой дороги, расстояния.

Обращает на себя внимание некоторое различие во вторичных значениях лексем. Для значений лексемы *волок* релевантной оказывается сема 'находящийся между двумя объектами', поэтому наиболее часто встречаются значения именно с этим компонентом: 'лес между двумя объектами (обычно населенными пунктами)', 'лесная дорога между

⁸⁶ Попов А.И. К вопросу о древнейших лексических связях между прибалтийскими финнами и славянами // Советское финно-угроведение. 1972. № 2. С. 87.

⁸⁷ Толстой Н.И. Славянская географическая терминология... С. 173.

населенными пунктами', 'дорога, идущая от одной деревни к другой лесом, где иногда на большом расстоянии нет жилья' [Подвысоцкий, 15], 'значительное пространство леса между селениями' [СРНГ 5, 148], 'гужевой путь дремучим лесом от селения до селения; переезд, перегон лесом' [Даль 1, 236] и т.п. Релевантность представлений о начальной и конечной точке пути, о расстоянии может превалировать в значении над компонентами 'большой лес', в результате семантика имеет вид 'любой лес между объектами (не обязательно большой), любое расстояние через лес', ср. «лес дак у нас называют волок: были короткие и длинные волока», «идеешь волоком – до Заболотья один волочёю», «здесь волочѣк-то небольшой от нашей деревни до Коковки». Потеря компонента 'расстояние' нечастотна, хотя и возможна, ср. значения волок 'лес', 'большой лес', 'дальний лес': «обыкновенный лес у нас волоком зовут», «вот большой лес, дальний – и есть волок».

Семантика лексемы *тайбола* не столь тесно связана с представлениями о пути: вторичные значения часто теряют этот компонент. В их семантике при этом акцентируется внимание на качественном характере объекта: 'густой, дремучий, труднопроходимый лес', в результате чего образуется термин, близкий по значению термину *сузѣм*, ср. *тайбола* 'большой, дремучий, удаленный от населенных пунктов лес', 'труднопроходимый, густо заросший участок леса', 'густая, проходимая только зимой чаша' [Подвысоцкий, 64], 'обширные сплошные леса, непроходимая, исконная глушь, где нет никакого жилья, на огромном просторе кой-где зимовка лесовальщиков' [Даль 4, 385]. Отмечаются также значения, связанные с заболоченным пространством: 'сырой, заболоченный участок в лесу', 'топь на болоте', которые для лексемы *волок* не обнаружены. Наличие компонента 'болото' характерно и для первичного значения лексемы *тайбола*, ср. 'дорога в глухом лесу (чаще зимняя), путь, проложенный через болото', ♦ *ехать тайболой* 'дремучими лесами, болотами, где пролегает зимняя дорога' [Даль 4, 386], в отличие от лексемы *волок*, где семантика дороги, пути всегда связана с лесом.

Казалось бы, различие в семантике можно объяснить распределением лексем: термин *тайбола* характерен, в основном, для северо-востока региона, а также для запада Вологодской области, то есть для территорий с большим количеством болот и массивами заболоченного леса, термин *волок* фиксируется на востоке Вологодской и по всей Архангельской области, кроме крайнего северо-запада (территория *тайболы*). Центр Архангельской области также изобилует болотами, но лексическое значение лексемы *волок* остается к этому факту «безразличным». Лексема же *сузѣм*, ареал распространения которой практически совпадает с ареалом *волок*, развивает, помимо значения 'дальний, глухой лес', семантику 'труднопроходимое болото, сырая низина, заросшая деревьями, кустарником' по всей восточной части региона. Таким образом,

предположение о географических различиях, лежащих в основе семантических, следует отвергнуть.

Думается, что причина в самом характере терминов. Для лексемы *волок* релевантными оказывается компонент 'начало и конец пути (обычно населенные пункты)'. Его релевантность указывает, с одной стороны, на «социальную» окрашенность термина, а с другой – на его «метрологический» характер. В значениях, зафиксированных в пределах исследуемого региона, для лексемы *тайбола*, компонент, связанный с начальной и конечной точкой пути при передвижении в семантике не эксплицируется, поэтому лексема обозначает не расстояние, а только сам путь, ср: *тайбола* 'дорога в глухом лесу, через болото'; ♦ *ехать тайболой* 'лесами, болотами, где пролегает зимняя дорога' [Даль 4, 386]. ♦ *в тайболу пойти* 'отправиться пешком далеко, на большие расстояния'. Таким образом, при однотипном развитии значений в исконном слове акцентировалась метрологическая семантика расстояния между объектами, в заимствованном – процесс движения, путь. Иначе говоря, для термина *волок* актуальны представления о связи двух освоенных, обжитых областей через неизбежную, а для *тайболы* актуален выход за пределы освоенной территории в неосвоенное пространство, из «своего» в «чужое». В связи с этим релевантность для термина *тайбола* компонентов 'лес' и 'болото', а для термина *волок* только 'лес' может быть интерпретирована следующим образом. Для *тайболы*, видимо, характерно представление о более дальних координатах, на что указывают компоненты 'глухой, труднопроходимый лес' и 'заболоченный участок', поскольку подобные пространственные массивы находятся обычно далеко от обжитой территории. Термин *волок* соотносится с представлениями о не столь большом расстоянии, поскольку он указывает на неосвоенный участок внутри освоенного пространства. *Волок*, таким образом, ограничен социальными рамками, а *тайбола* уводит в неограниченную даль из «своего». При этом можно отметить, что между населенными пунктами которые составляют единую социальную общность и расположены близко друг к другу обычны именно лесные участки, а не массивы болот. Итак, лексема *волок* в значении 'лес' обычно обозначает 'лесной массив между какими-либо объектами', и связана с представлениями о расстоянии, являясь наивным «метрологическим» термином; развитие значения в сторону 'лес вообще' – нечастотно, в сторону 'густой, большой лес' и 'дальний, глухой лес' – очень редко. В то время как для *тайболы* значение 'дальний, глухой, большой лес' – одно из основных.

Проведенный анализ показал, что появление заимствований в группе лексик, обозначающей лесные массивы, является неслучайным. Распределение исконного и заимствованного материала по разным идеограммам в соответствии с отсутствием/наличием компонента 'дальний (лес)', понимаемого как 'удаленный от жилья, не освоенный человеком' указывает на

неразработанность понятия 'дальний, большой, дремучий лес' в собственной идеографической сетке русских пришельцев, столкнувшихся на новой территории с большими массивами таежных лесов. Формирование этого понятия осуществлялось на базе заимствованной лексики, с этими же процессами, по-видимому, связано появление новой семантики у таких исконных лексем, как *остров* и *матера*. Приобретение словом *волок* специфической «лесной» семантики также произошло, по мнению исследователей, не без влияния языков дорусского населения⁸⁸. Собственно «лесные» (не «путевые») значения лексемы *тайбола* могут быть связаны как с семантикой слова в языке-источнике, так и со смысловыми сдвигами, происшедшими уже на русской почве⁸⁹, но, думается, что даже в этом последнем случае появление в идеографической сетке пришельцев семантики 'дальний, неосвоенный человеком, большой лесной массив' не может объясняться без учета влияния языков аборигенного населения.

Взаимодействие исконной и «чужой» семантической системы выражается в подстраивании «чужой» семантики под национальную идеографическую сетку русских, и наоборот, в приобретении исконными лексемами некоторых семантических черт заимствований. Это проявляется, например, в способности заимствованных лексем терять в определенных ситуациях релевантность семы 'дальний', а также в способности исконных лексем, обозначающих 'большой дремучий лес', приобретать этот семантический множитель в качестве денотативного компонента значения. Взаимодействие систем проявляется и в приобретении лексемами семантических связей, характерных для иной по происхождению группы лексики – ср., например, *сузёмный* 'строевой (о лесе)'.

Тем не менее, заимствованная и исконная части семантической системы имеют свои особенности, что ярко проявляется в нашем случае в наличии специфических семантических связей для исконной лексики и для заимствований. Можно говорить также об отличии семантических ореолов исконных и заимствованных лексем: так, анализ терминов, обозначающих лес между какими-либо объектами показал, что прагматический компонент значения заим. *тайбола* связан с движением из «своего» пространства, то есть дальней ориентацией, в то время как в семантике рус. *волок*, предполагающей обжитость начала и конца лесного пространства, также при наличии указания на движение субъекта присутствует указание на ориентацию по освоенному пространству и ограничение пространства социальными рамками.

⁸⁸ Ср. рассмотренное выше мнение А.И.Попова, а также мнение О.А.Теуш о возможно заимствованном характере всего семантического комплекса 'дорога' – 'лес' – 'болото', представленного в севернорусских говорах (см.: Теуш О.А. Названия дорог и троп в севернорусских говорах: заимствования из финно-угорских языков // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 54).

⁸⁹ Ср. мнение О.А.Теуш о семантике сев.-рус. *тайбола*, как результате расщепления исходной семантики оригинала с актуализацией того или иного компонентов (Теуш О.А. Там же. С. 53).